

МАДЖИПУР

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА
ХРОНИКИ МАДЖИПУРА
ВАЛЕНТИН ПОНТИФИК

Robert Silverberg

MAJIPOOR
CHRONICLES

A NOVEL
OF MAJIPOOR

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ХРОНИКИ
МАДЖИПУРА

Цикл
«Маджипур»

fanzon

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С36

Robert Silverberg
MAJIPOOR CHRONICLES

Copyright © Agberg, Ltd./Robert Silverberg, 1981, 1982

Перевод с английского *Андрея Гришина*

Оформление *Алексея Дурасова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© Slava Gerj / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Силверберг, Роберт.

С36 Хроники Маджипура : цикл «Маджипур» / Роберт Силверберг ; [перевод с английского А. Гришина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 432 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-111743-6

Уличный мальчишка Хиссун за свою помощь лорду Валентину получил работу государственного чиновника в Лабиринте. Теперь он клерк в Доме Записей. Его задание — организация архивов сборщиков налогов со всех континентов планеты. От этого можно впасть в уныние. Бесполезная работа — никому никогда не понадобятся его находки и результаты труда...

Но в Лабиринте, рядом с Домом Записей, есть более интересное место — Регистр памяти душ.

Здесь хранятся миллионы телепатически загруженных сознаний разных существ, которые жили здесь на протяжении тысячелетий. Их жизни полны рассказов о любви и потере, триумфе и падении... И по мере того как Хиссун погружается в истории тех, кто жил в другие времена, он создает свою собственную хронику — хронику Маджипура.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© **Гришин А., перевод на русский язык, 2020**
© **Издание на русском языке, оформление.**
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111743-6

*КИРБИ,
который если и не был доведен
до самых глубин отчаяния,
то безусловно дошел до его пригородов.*

Пролог

Пошел четвертый год с тех пор, как корональ лорд Валентин вернул себе похищенный у него трон. И в это время в душе Хиссуна — мальчишки, мелкого служащего в Доме Записей Лабиринта Маджипура — произошел какой-то перелом. Он уже шесть месяцев занимался инвентаризацией архивов сборщиков налогов — составлял бесконечный перечень документов, в которые никто никогда не заглядывал и не заглянет, — и было очень похоже, что этой работы ему должно было хватить еще на год, на два, а то и на три. А занятие это, как понимал Хиссун, было совершенно бессмысленным: кому и зачем могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена лорда Деккерета, или лорда Калинтэйна, или даже правившего в незапамятные времена лорда Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, и, несомненно, они того и заслуживали. И вот теперь по воле какого-то злого рока Хиссун вынужден их разбирать. Он отлично понимал, насколько бесполезной и бессмысленной была его работа, из которой можно было извлечь разве что великолепный урок географии гигантской планеты Маджипур. Сколько на ней провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись на тысячи муниципальных единиц с многомиллионным населением. И пока Хиссун занимался этим делом, его сознание заполняли названия и Пятидесяти Городов Замковой горы, и огромных городов Зимроэля, и таинственных поселений в пустынях Сувразля, и провинциальных столиц, откуда в течение четырнадцати тысяч лет процветающей жизни Маджипура лился не поддававшийся воображению поток по-

датеи: Пидруид, Нарабаль, Ни-мойя, Алаизор, Стойен, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Минимум, Толагай, Кангиз, Нату-Горвину... Сколько же их! Миллионы названий! Но когда человеку всего лишь четырнадцать лет от роду, география способна увлечь его лишь на какое-то более или менее продолжительное время, а потом начинает все сильнее и сильнее надоедать.

Хиссун все сильнее нервничал. А присущая ему склонность к озорству с каждым днем все чаще прорывалась наружу.

Неподалеку от пыльной комнатухи в Доме Записей, где мальчик разбирал и раскладывал горы налоговых отчетов, располагалось куда более интересное место — Регистр памяти душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных особ империи (да и то, по слухам, не для каждого). Хиссун кое-что знал об этом месте — ему вообще было много известно о Лабиринте, даже о запретных его уголках. Вернее, прежде всего о них: ведь он уже с восьми лет почти все время проводил на улицах огромного подземного города и зарабатывал на жизнь, нанимаясь в проводники к приезжим. Бойкость и живой ум всегда помогали ему перехватить крону-другую. «Это Дом Записей, — с важным видом объяснял он путешественникам. — В нем есть комната, где хранятся воспоминания миллионов жителей Маджипура. Нужно взять капсулу, вложить ее в щель специального устройства — и внезапно словно бы становишься тем, кем оставлена запись: оказываешься во временах лорда Конфалюма или лорда Симинэйва или сражаешься вместе с лордом Стиамотом против метаморфов. Вот только попасть в эту комнату почти невозможно». И это было действительно так. Но не удастся ли ему, думал Хиссун, проникнуть туда под предлогом уточнения дат для своих разысканий в налоговых архивах. А потом побывать в миллионах сознаний, в самых различных временах — временах величайших и удивительнейших событий истории Маджипура!

Да, его работа определенно станет более терпимой, если ему удастся найти достаточно веский предлог и внедриться в Регистр памяти душ.

Ему не потребовалось долго тянуть, прежде чем мечта начала воплощаться в реальность. Он без труда смог выведать, где в Доме Записей находятся печати для документов, и потихоньку подготовил для себя все необходимые пропуска. И как-то под вечер с пересохшим от волнения горлом и гулким звоном в ушах, охваченный возбуждением, направился по ярко освещенным извилистым коридорам к своей цели.

С тех пор как Хиссун в последний раз испытывал нечто подобное, прошло уже немало времени. Конечно, жизнь уличного мальчишки давала немало поводов для волнений, но он уже давно расстался с нею: они позволили ему вкусить блага цивилизованной жизни, приручили его, дали работу. Работу! Они! И кто такие они? Не «они», а «он» — корональ собственной персоной, вот кто! Хиссун до сих пор не переставал изумляться тому, что произошло. Давным-давно (по собственному летосчислению мальчишка) лорд Валентин в чужом облике скитался по городам и материкам, а на его троне восседал узурпатор Барджазид. И когда настоящий корональ пришел в Лабиринт, Хиссун нанялся ему в проводники, каким-то образом угадав его истинную сущность. И с этого и начались перемены в жизни мальчишка-бродяжки. Потом он узнал, что лорд Валентин направился к Замковой горе, а потом узурпатор был низвергнут, а потом, во время второй коронации, Хиссун, одно лишь Божество ведает почему, вдруг очутился на церемонии в замке лорда Валентина. Какое же это было время! Никогда еще прежде ему не доводилось покидать Лабиринт, видеть солнечный свет — и вот уже он едет на украшенной знаками верховного правителя парящей повозке по долине Глэйджа, минуя множество городов, которые доселе видел лишь во сне. Вскоре перед ним выросла Гора, тридцатимильная громада, парящая над поверхностью земли, словно другая планета, а потом показался и сам Замок, а еще немного позже грязный мальчишка стоял рядом с короналем и обменивался с ним шуточками. Да, это было поистине восхитительно, но то, что последовало за этим, захватило Хиссуна врасплох. Корональ почему-то решил, что

мальчишка чего-то стоит, и велел готовить его к будущей государственной службе. Энергия, сообразительность и предприимчивость юного бродяжки восхищали короналя. Прекрасно! Хиссун оказался под покровительством самого короналя. Тоже прекрасно! Просто изумительно! А потом он вернулся в Лабиринт — напрямик в Дом Записей! Это было уже далеко не так прекрасно. Хиссун терпеть не мог чиновников, этих идиотов, прячущих лица под масками и плодящих бумаги в глубинах Лабиринта. И вот теперь благодаря особому покровительству короналя он сам превратился в одного из них. А он-то надеялся, что у него просто появится возможность зарабатывать на жизнь каким-то иным способом, чем экскурсии по Лабиринту для приезжих, но и представить себе не мог, что все обернется таким образом! «Отчет сборщика налогов одиннадцатого округа провинции Чорг префектуры Бибируна за одиннадцатый год царствования понт. Кинникена и кор. лорда Оссиера» — о нет, нет! Разве это жизнь?! Месяц, шесть месяцев, год, занимаясь своей «милой» работенкой в своей «милой» комнатухе в Доме Записей, Хиссун продолжал надеяться на то, что лорд Валентин вот-вот вспомнит о нем, прикажет доставить его в Замок, возьмет к себе на службу и назначит — кем? — ну хотя бы личным адъютантом... И тогда жизнь обретет наконец-то некий смысл. Но корональ, похоже, позабыл о нем, как, впрочем, и следовало ожидать. Он должен был управлять целым миром, населенным двадцатью или тридцатью миллиардами разного рода разумных существ — так разве может рассчитывать на его особое внимание какой-то мальчишка из Лабиринта?! Хиссун всерьез опасался, что лучший момент его жизни уже позади, что он пришелся на те часы, которые он провел в Горном замке, а теперь, по извечной жестокой иронии судьбы, он навсегда превратился в жалкого письмоводителя одной из канцелярий понтифекса и обречен провести всю жизнь, перебирая пыльные бумаги...

Но неподалеку существует Регистр памяти душ, и его обязательно следует изучить.

Даже если он никогда больше не выберется из Лабиринта, он сможет — только бы никто ему не помешал! — побывать в сознании давно умерших людей, исследователей, первопроходцев, воинов, даже короналей и понтифексов. Мысль об этом несколько утешала.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему там тусклоглазому хьорту.

Хиссун был готов к пространным объяснениям: особое поручение короналя, важнейшее историческое исследование, необходимость сопоставить демографические сведения, уточнить данные в порученных ему документах — о, подобные разговоры были его стихией, и слова готовы были потоком хлынуть с его языка. Но хьорт лишь лениво поинтересовался:

— Умеешь обращаться с аппаратом?

— Плохо помню. Лучше покажите мне еще разок.

Уродливое существо с дряблым туловищем и усыпанным бородавками лицом с бесчисленными подбородками лениво поднялось на ноги и, шаркая ногами, побрело, не оглядываясь, по короткому коридору со сводчатым потолком, неожиданно ловкими движениями пальцев отперло замок на двери, вошло в комнату и указало на экран, под которым располагались два ряда кнопок:

— Пульт управления. Закажешь нужные капсулы записей. Потом распишешься. Вставляешь их нужно вот сюда. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Вот так тайна! Вот так охрана!

Хиссун остался наедине с записями воспоминаний всех когда-либо обитавших на Маджипуре.

Ну, может быть, почти всех. Конечно, миллиарды жителей планеты уходили в небытие, даже и не помыслив о том, чтобы оставить капсулу с записью истории своей жизни. Но каждый, достигший двадцатилетнего возраста, раз в десять лет получал возможность внести свой вклад в это хранилище. Хиссун знал, что стеллажи, наполненные совсем крошечными, чуть больше зерна, капсулами, в которых чудесным образом хранится то,

что видели, слышали и знали давно ушедшие к Источнику Всего Сущего люди, занимают чуть ли не целый ярус Лабиринта и тянутся на многие мили. Он положил руки на пульт и увидел, что пальцы дрожат.

С чего начать?

Он хотел познать все. Он хотел пересечь леса Зимрозля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великий океан, поохотиться на морских драконов в океане за архипелагом Родамаунт и... и... и... Он дрожал, с трудом сдерживая нетерпение и вглядываясь в кнопки. С чего начать? Можно набрать дату, место, определенную личность. Но как угадать, что следует выбрать: ведь история планеты насчитывает четырнадцать тысяч лет? Нет, тысяч восемь-девять, ведь записи, насколько ему было известно, доходили лишь до времени лорда Стиамота или, может быть, чуть ранее. Как трудно принять решение! Минут десять Хиссун просидел в полной неподвижности, не отваживаясь нажать на кнопки.

А потом набрал наобум. Что-нибудь пораньше, решил он. Континент — Зимрозль, время — правление короля лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность... любая. Да, любая!

На панели появилась маленькая блестящая капсула.

Затрепетав от изумления и предчувствия, Хиссун вложил ее в отверстие, которое показал ему хорт, и надел шлем.

Сначала он услышал неровные потрескивающие звуки. Потом перед глазами под сомкнутыми веками замелькали неясные, смазанные полосы — синие, зеленые, алые. Работает? Да! Да! Он ощутил присутствие чужого разума! Неизвестный ему человек умер девять тысяч лет тому назад, но его сознание... — ее?.. да, ее!.. это была женщина, молодая женщина, — вливалось в Хиссуна до тех пор, пока он не перестал быть уверенным, кто же он на самом деле — Хиссун из Лабиринта или Тесме из Нарабалы.

Негромко всхлипнув от радости, Хиссун освободился от того «я», с которым он прожил все четырнадцать лет своей жизни, и полностью отдался во власть чужой души.

Часть I
ТЕСМЕ И ГЭЙРОГ

Вот уже шесть месяцев Тесме одиноко жила в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях примерно в полудюжине миль к востоку от Нарабаля. Сюда не долетал морской бриз, и царящая везде тяжелая влажная сырость словно покрывала эту часть мира меховой пеленой или саваном. Ей никогда прежде не приходилось заботиться о себе, и поначалу ее беспокоило, насколько успешно она с этим справится. Хижину она строила тоже впервые, но выполнила эту задачу вполне прилично: она нарезала несколько охапок тонких стволов молодых сиджаниловых деревьев, содрала с нижних концов золотистую кору, заострила их и вбила в мягкую влажную землю, а затем сплела стволы между собой длинными тонкими лианами и, наконец, закрепила на крыше пять неестественно огромных голубых листьев в рамма, которые образовали кровлю. Конечно, не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, да и холода можно было не слишком опасаться. За какой-нибудь месяц сиджаниловые столбы укоренились, выбросили новые побеги и раскинули молодые кожистые листья прямо под потолком; похожие на виноград лианы тоже продолжали жить, свешивая мягкие красные усики, в конце концов находившие далеко внизу плодородную землю. Так что дом теперь словно ожил и, по мере того как лианы становились прочнее, а деревья все глубже запускали корни в почву, с каждым днем делался уютнее и надежнее. Тесме это нравилось. В Нарабале ничто не могло долго оставаться мертвым: слишком уж теплым был воздух, слишком ярким солнце, слишком обильными дожди,